

Magdalena Kotlarek

Мир поэзии Булата Окуджавы

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica 4, 105-113

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MAGDALENA KOTLAREK
 Łódź (Polska)

МИР ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

*Мудрые, прекрасные песни Окуджавы
 являются неиссякаемым источником добра...
 Исаак Шварц¹*

О большой жизни большого поэта писать трудно, так как трудно охватить ее в одном маленьком очерке. К сожалению, сегодня фамилия Булата Шалвовича Окуджавы – одного из оригинальнейших русских поэтов XX века, многим, особенно молодым, ничего не говорит. А жаль...

Свою первую песню Окуджава спел среди знакомых. Согласно одной версии, ради шутки, он решил спеть одно из своих стихотворений под аккомпанемент гитары. Нот он вообще не знал, лишь три аккорда, которых, однако, вполне хватило для выступления. Присутствовавшие при этом друзья были настолько поражены, что попросили спеть еще одно стихотворение, затем еще одно. А потом они решили записать эти песни на магнитофон. И так все началось. Согласно второй версии, все произошло несколько иначе. По словам Владимира Фрумкина, Окуджава свою первую песню (не считая совершенно случайно появившейся у него в 1946 г. еще в Тбилиси *Неистов и упрям...*) сочинил на спор с приятелем. Последний, которому надоели шлягеры, идущие по радио, как-то заявил, что песня навсегда обречена быть глупой. Окуджава возразил ему и, когда приятель не поверил, предложил ему поспорить – «Я возьму гитару и спою песню на собственные стихи, и ты поймешь, что она совсем не глупая». И Окуджава выиграл, сочинив *Песню о солдатских сапогах*². Он сам вспоминал:

Я никогда песен специально не писал. Появлялись стихи, которые хотелось напевать под какую-нибудь мелодию. Потом происходило странное: мои стихи уже не жили как стихи без определенной музыкальной интонации. Поэтому возникла гитара. Она стала средством контакта с читателями, со слушателями³.

[...] в 57-ом г. я совершенно случайно написал шуточные стихи и придумал мелодию, спел эту песенку своим друзьям. Им это очень понравилось. И за эту песню в течение многих лет меня люди, которые не были хорошо знакомы с моим творчеством, считали сочинителем блатных песен. Хотя я никогда ни одной блатной песни не написал. Это *Песня о Ваньке Морозове*⁴ – продолжает поэт.

¹ Е. Щербиновская, *Концерт. Книга для чтения с комментарием*, Москва 1988, с. 2.

² Ф. Раззаков, *Досье на звезд*, Москва 1999, с. 186–187.

³ Е. Щербиновская, *Концерт...*, с. 37.

⁴ Б. Окуджава, *Ваше благородие, госпожа удача*, Москва 2004, с. 30.

С этого года Окуджава стал выступать как автор стихов и музыки песен и их исполнитель. Во второй половине 1950-х годов Окуджавой были созданы и другие песни: *Полночный троллейбус*; *Король*; *До свидания, мальчики*; *Песенка про Черного кота*, которые сразу приобрели широкую известность. Они сначала исполнялись автором в дружеских компаниях, затем публично, а магнитофонные записи расходились по всей стране в тысячах экземпляров. Они звучали в кинофильмах и спектаклях, в концертных программах, в теле- и радиопередачах.

Окуджава не один раз вспоминал, что одним из самых счастливых дней своей жизни считает тот, когда обнаружил, что может писать песни. А эти песни, как сказал Евгений Евтушенко, «часть нашей молодости и наших надежд»⁵. От них струилась доброта, мужество, красота. Окуджава открывал людям глаза на самих себя, его песни наводили на размышления о вечных ценностях, о сути бытия. Он был одним из тех людей, которые своим творчеством старались пробудить в человеке чувство собственного достоинства, самооценности.

С момента дебюта поэт покорила сердца слушателей. В начале 60-х гг. Окуджаву знала уже вся страна. Буквально изо всех окон звучали его песни, и друзья шутили:

[...] если бы за каждую песню тебе платили копейку, ты был бы самым богатым человеком в стране⁶.

Даже в годы «перестройки» популярность Окуджавы сопровождалась официальным признанием, он активно участвовал в общественной жизни, работал в Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ; получил Государственную премию СССР (1991), а затем Букеровскую (1994) за автобиографический роман *Упраздненный театр*, и другие. 9 мая 1994 г., в день 70-летия Окуджавы, даже президент России Борис Ельцин прислал юбиляру поздравительную телеграмму со словами:

Вы были первым, кто вопреки цензуре вошел в дом русских людей со своими великолепными песнями⁷.

Но все растущая всенародная слава Окуджавы-барда стала вызывать подозрения у партийных идеологов, а также завистливую реакцию со стороны многих литераторов. Поэт, исполняющий свои стихи под гитару, казался как-то несерьезным. По мнению властей, стихи Окуджавы были слишком лиричными. Сам поэт пишет в одном из своих автобиографических рассказов:

[...] во-первых, запел о себе, просто о себе, а во-вторых, грустно и откровенно, ибо поводов для грусти было множество [...] песни вызвали заметную неприязнь [...] у партийных начальников. Им казалось, что [...] как-то слишком грустен, как-то упадочен [...] Их раздражал некоторый подтекст, сквозивший в [...] стихах [...] Да и вообще в стихах [...] не было бодрости, призыва,

⁵ <http://belousenkolib.narod.ru/Okudzhava/Okudzhava.html>.

⁶ Ф. Раззаков, *Досье...*, с. 189.

⁷ Там же, с. 197.

безоглядной веры, а все какие-то намеки, двусмыслица, разлуки, крушения, смерти, какие-то милосердные призывы и уж совсем никчемные разглагольствования о благородстве [...] чем больше пел, тем больше сталкивался с сопротивлением, тем больше возникало всяких препятствий [...]»⁸.

Нелегкое время и сложная судьба нашли свое отражение в поэзии Окуджавы. Но, несмотря на все это, он был полон стойкой веры в окончательную победу Добра. Его поэзия – это постоянное, непрекращающееся признание в любви, а основные закономерности его поэтики: символическая обобщенность образов и сюжетов, эмоциональная открытость, обращенность к собеседнику, парадоксальное сочетание элементов высокого слога с речевой разговорностью.

Поэтический мир Окуджавы рождает много разных чувств и волнений. Его поэзия несет в себе огромный заряд доброты, она напоминает о милосердии, любви к ближнему, к Родине, к ее истории, помогает нам верить в лучшее и светлое будущее. В его стихах всегда будет звучать надежды маленький оркестрик... Большинство людей ругает судьбу, но для Окуджавы время не совсем злое, так как виноградную косточку можно в землю зарыть, и не убирать ладони со лба, по апрелю отдежурить, и во всякую ночь найдется последний троллейбус.

Кажется, что стихи Окуджавы характеризует необыкновенная простота, но эта простота лишь мнимая. Мир его поэзии полон цвета, полон музыки. И хотя цветов первоначальных лишь семь и количество звуков в октаве постоянное, то ведь из них создан наш сложный мир, они обуславливают наши испытания и поведение. На это именно Окуджава обращал внимание. Он предлагал нам дружбу, понимание, доброту, с одной стороны, и нетерпимость для зла, с другой.

Свою задачу как поэта он видел следующим образом:

[...] я думаю, что задача художника – музыканта ли, поэта ли, живописца – во все века и времена всегда одна и та же: имеющимися в его распоряжении средствами рассказать о себе, выразить себя. Что и я – по мере своих возможностей и сил – пытаюсь делать»⁹.

Мир песен Окуджавы одновременно интимен и космичен. Этот эффект достигается, прежде всего, множеством метафорических перевоплощений: полночный троллейбус становится кораблем, а пассажиры – матросами; синий шарик улетает и возвращается. Поэт не утратил детский взгляд на окружающий мир, и в то же время это человек опытный, прошедший войну. В его творчестве удивительно сочетается и переплетается одно и другое. И из этого, по-моему, рождаются такие необычные, яркие образы – умирает Новогодняя елка, Любовь дирижирует оркестром, Муравей создает себе богиню. Кажется, что это происходит не на Земле, а в какой-то полусказочной стране. В стихах Окуджавы заключается глубокий подтекст,

⁸ http://wierka2001.republika.pl/inne/bo_o.htm.

⁹ Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 71.

им сопутствует иносказательность, метафоричность. И, внимательно вслушиваясь в его произведения, можно услышать и грусть, и тревогу, и боль. Стихотворения поэта поражают глубиной мысли и чувства.

Его песни и совершенные в поэтическом смысле, и весьма своеобразные в музыкальном отношении. Песня, как любое вокальное произведение – сочетание двух начал – стихотворного и музыкального. Соединяясь, поэзия и музыка должны дать новое качество. Так и было у Окуджавы. Его поэзия неразрывно связана с музыкой. Его стихи как бы рождались с мелодией: она живет внутри стихотворения, принадлежит ему изначально, и

[...] не читает он [Окуджавы – М. К.] свои стихи, как другие поэты, а поет под гитару. Поет негромко, гитара звучит незатейливо, но почему-то слушающие чувствуют себя буквально загипнотизированными магией слова, голоса, интонации – доверительной, глубоко личной¹⁰.

Интересно и то, что Окуджавы не обладал музыкальным образованием, но, несмотря на это, он чувствовал музыку. Его отец был музыкально одаренным человеком, постоянно напевал, насвистывал что-то из опер. Мать в музыке разбиралась плохо, но считала ее одним из основных признаков образованности, интеллигентности. И поэтому послала сына в музыкальную школу, из которой мальчик несколько раз убежал; каждый вечер водила его в оперу, купила ему даже несколько пластинок с оперными ариями в исполнении Шаляпина, Собинова. Окуджавы многие из них знал наизусть, пытался напевать.

Вот так происходило мое приобщение к музыке [...] – рассказывает поэт. Потом я переехал к тетке в Тбилиси, которая жила напротив консерватории. Моя двоюродная сестра училась там, приводила студентов в дом, мы ходили на студенческие вечера, на концерты, на конкурсные экзамены [...] В консерватории допоздна занимались вокалом, скрипкой, фортепиано, а тут еще молодой Рихтер приехал давать концерты, ему дали класс, где он репетировал. Все это приобщало к музыке, я пытался тоже одним пальцем какие-то свои стихи наигрывать и напевать – была потребность [...] Я жалею, что не приобщен к музыкальной грамоте, сейчас поздно уже этим заниматься [...] Несколько раз пытался – не получилось...¹¹.

Музыка в творчестве Окуджавы заключается в ритме, в мелодии, в интонации, и повторениях, не является сложной как элемент строения стихотворения. Музыка – это язык предметов и язык чувств, это символ порядка и гармонии. Это тоже герой поэзии – в ней появляются разные инструменты: множество барабанов, трубок, флейт, скрипок, органов и колокольчиков; это и звуки города – слышен патефон, гармошка, шарманка; даже трамвай поет. Все это в поэзии Окуджавы становится большим оркестром.

Многие утверждают, что песни Окуджавы лучше всего слушать, когда он поет их сам. Поэт даже не столько пел (не имел вокального таланта), сколько тихо и нежно рассказывал под простые аккорды. Он умел без

¹⁰ Е. Щербиновская, *Концерт...*, с. 30.

¹¹ Там же, с. 33.

пафоса говорить о сложном и важном, о главном и второстепенном. Большинство его песен во всей полноте их замысла и тонкости оттенков могут быть восприняты лучше всего именно и только в авторском исполнении – в этом один из секретов их феноменальной популярности: в единстве стихов, мелодии, ритма, голоса, аккомпанемента. Как сказал И. Шварц,

[...] мелодическое дарование Окуджавы уникально! Поразительная была органика слияния слова с мелодией. Ни одной фальшивой ноты, ни царапины, ни натяжки. Все естественно, просто – так, как будто по-другому нельзя. Да и мелодии сами по себе, при всей кажущейся простоте, какие-то свои, необычные¹².

Кроме того, Окуджава восхищал волшебством своего голоса. Юлий Ким в одном из своих стихотворений, посвященном поэту, пишет:

[...] в составе атмосферы,
Где бывший кислород – там только голос Ваш.
Там только голос Ваш негромкий, но волшебный,
И надобно дышать – и замирает дух...¹³

Во второй половине XX в. Окуджава воскресил в русской поэзии любовную лирику. Вновь ввел в нее мотив преклонения перед женщиной:

[...] вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей!¹⁴

Героиня любовной лирики Окуджавы всегда умна, тонка и благородна в чувствах. Это женщина, любовь которой заслужить не просто, а ее черты поэт видит в своих современницах:

В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы!
Ее глаза в иные дни обращены!¹⁵

По отношению к ней он соблюдает старинный (и несколько старомодный) ритуал в обращении, разговорах, поклонении и любви. Прекрасная женственность окружена в романах Окуджавы романтическим ореолом королевства: *Женищина, ваше величество!*¹⁶ – восклицает поэт, верный рыцарь Прекрасной Дамы, а ее глаза сравнивает с синими маяками, так же, как корабли в туманную погоду, так и он находит в них спасение:

Вы в глаза ее взгляните
как в спасение свое [...]

[...] нужно очень верить
этим синим маякам...¹⁷

¹² Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 275–276.

¹³ Там же с. 19.

¹⁴ «Не бродяги, не пропойцы...», [в:] Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 31.

¹⁵ *Еще один романс*, [в:] Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 253–254.

¹⁶ «Тьмою здесь все занавешено...», [в:] Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 83.

¹⁷ «Не бродяги, не пропойцы...», [в:] Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 31.

Большую часть творчества Булат Окуджава посвятил своему любимому городу – Москве, с которым он был неразрывно связан. Это город его детства, юности, и самые теплые, нежные слова он посвятил именно ему. Стихи эти глубоко личные. Поэт ощущает себя частью Москвы, этот город – дом его души. С нежностью говорит он о Арбате, где жил с раннего детства:

Он – исток моей человеческой судьбы [...] Так случилось, что этот старинный московский район стал постепенно олицетворять историю, стал памятником нашей культуры, и не одно поколение замечательных наших соотечественников испытывало на себе силу его нравственного воздействия: и Пушкин здесь прогуливался, и Герцен здесь жил, и многие другие, вырастая в этом благоприятном климате, обучались мужеству, любви и великодушию¹⁸.

Для Окуджавы Арбат – это не только улица, это намного больше и значительнее:

[...] есть улица Арбат, но есть Арбат – хитросплетение переулков и улочек, дворов и сквериков, где бабушки выгуливали нас то по весенней травке, то по зимнему снежку; хитросплетение заученных дорожек и извилистых мостовых, всего, всего со своим запахом и цветом и интонацией типично арбатской, не склонного к внешним эффектам, не падкого на подражание, знающего себе высокую цену и истинное назначение [...].

У Арбата нет задворок, а есть вообще Арбат – район, страна, живая, трепещущая история, наша культура [...] Я даже подозреваю, что у него есть душа, и она вот уже несколько столетий источает невидимые волны, благотворно действующие на наше нравственное здоровье¹⁹.

Благодаря песням Окуджавы Арбат стал как бы символом духовного единения современной советской интеллигенции, ее *призванием и религией*, ее *радостью и бедой*, ее *отечеством*...

[...] Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя!²⁰

В лирической системе поэта он сделался символом мира, добра, человечности, благородства, культуры, исторической памяти – всего, что противостоит жестокости и насилию, что противоречит войне, под впечатлениями которой написана значительная часть лирики Окуджавы. Он сам свой лирический дар связывает с чудесным спасением на войне, которая стала временем его морального воспитания, его школой чувств. И поэтому именно произведения о войне – ключ к остальным стихотворениям поэта. Окуджава обобщает опыт многих солдат, не пишет о конкретных событиях, здесь нет конкретных названий. Есть просто война, солдат, нет имени врага. Все пройденные пути укладываются в один единственный, по которому маршируют безымянные пехотинцы. У Окуджавы война – это

¹⁸ Е. Щербиновская, *Концерт...*, с. 31.

¹⁹ Там же, с. 32.

²⁰ *Песенка об Арбате*, [в:] Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 78.

не место борьбы выступающих друг против друга сторон, но частная драма отдельных солдат. Главным является не то, кто кого победит, но то, вернутся ли назад мальчики, ушедшие на фронт. Независимо от того, которая страна окажется победителем, война – это всегда несчастье:

Я увидел, что война – это суровое и жестокое единоборство, и радость наших побед постоянно перемежалась с горечью потерь, очевидцем которых я был, и впоследствии, когда я все это осознал, во мне выработалась ненависть к войне. И это отложило отпечаток на всю мою жизнь, и литературную тоже²¹.

Как он сам говорит, его песни и стихи не столько о войне, сколько против нее:

Война же, согласитесь, – вещь противоестественная, отнимающая у человека природой данное право на жизнь. Я ранен ею на всю жизнь, и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю... Я ненавижу войну²².

И поэтому произведения на эту тему грустные, как сам пишет,

Впечатление от фронта было очень сильное, потому что я был мальчишкой. И потом уже, впоследствии, когда я стал писать стихи, первые мои стихи были на военную тему. Много было стихотворений. Из них получились песни. Из некоторых. Это были в основном грустные песни. Ну, потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет²³.

В его творчестве часто появляются и польские мотивы. Поэт несколько раз выступал с концертами в Польше. У него были польские друзья, он посвящал свои стихи, например, Агнешке Осецкой. Как он сам говорил,

[...] Polskę, pochlebiam sobie, znam i rozumiem. Jest taka [...] jak prawdziwy człowiek. Z cierpieniem, z wadami, z kompleksami. Wspaniała. I biedna, i dumna, i tragiczna, i nostalgiczna, i dowcipna, i serdeczna i – przede wszystkim – ironiczna²⁴.

Первая пластинка с переводами его песен была издана именно в Польше. Одними из первых популяризаторов его творчества были Анджей Мандалиан, Земовит Федецкий, Виктор Ворошильский, Анджей Дравич и Агнешка Осецка.

Многие задумываются – в чем заключается секрет популярности Булата Окуджавы, человека, которого песни и стихи трогают сердца людей во всем мире? В чем же главная его заслуга? Почему именно его называют родоначальником этого направления? По мнению Александра Горюхи, По

[...] прежде всего, суть в масштабе его поэтического таланта. Но, кроме того, еще и в том, что он в своих песнях заменил столь привычное для предыдущих поколений местоимение «мы» местоимением «я», которое звучало не только в стихах, но и в самой интонации его изысканных, поэтических и, как по

²¹ Е. Щербиновская, *Концерт...*, с. 34.

²² <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=18146>.

²³ *Это были грустные песни, потому что ничего веселого в войне нет*, «Известия», (4 мая 2004 г.). Приводится по сайту: <http://www.izvestia.ru/news/289749>.

²⁴ В. Okudźawa, цит. по: Т. Krzemień, *Znajomi nieznanomi*, Warszawa 1978, с. 167.

началу казалось, камерных песен. Но именно благодаря «камерным» произведениям Булата Окуджавы, впервые после долгих лет маршевых и лирических песен в поэзии появилась личность, «московский муравей», единственное и неповторимое «я». Так началась революционная эпоха авторской песни [...]»²⁵.

Успех пришел к Окуджаве потому, что своими произведениями он обращался не ко всем, а к каждому в отдельности, а предметом поэзии в его мире стала обыденная, повседневная жизнь. Он задумывался над судьбой человека, над его чувствами, заботами. Пел про Веру, Надежду, Любовь... Эти стихи-песни создают целый художественный мир, который и лечит, и радует, и успокаивает, и бодрит. Кроме того, у Окуджавы особая манера общения с читателями, слушателями. Он не выступает, не исполняет, а беседует, разговаривает. Мой дорогой; а мы с тобой, брат; давайте восклицать; извините...; пожалуйста...; знаете... – слова, выражения, казалось бы, необязательные и, как утверждали суровые критики Окуджавы, «совершенно лишние». Но именно с них в диалоге поэта со слушателями начинается устанавливаться атмосфера искренности и непринужденности.

Жизнь Булата Окуджавы стала легендой, хотя бы потому, что он вернул поэзию к истокам, истинным ее началам, как сказал Валентин Берестов:

[...] Булат – человек вне времени, всегда молодой и всегда взрослый. Он и запел свои песни не просто так, но зная, что поэзия была песней при самом своем рождении. И он вслед за Вертинским вернул поэзию к ее основам.... Он пишет тем слогом, который доходит до сердца, хочет, чтобы читателю было с ним хорошо, и делает для этого все, что может²⁶.

И своим существованием Булат Окуджава объединял, соединял друг с другом людей. То есть делал то, что никак не могут нынешние президенты, о чем свидетельствуют слова И. Шварца:

Булат был смелый, мужественный, светлый и прекрасный человек. Человек железных принципов, который всегда держал картотеку своих убеждений в образцовом порядке. Его стихи, его песни, его проза несут в себе огромный заряд человечности, доброты, любви к ближнему. Поэтому его любят и чтут миллионы²⁷.

²⁵ А. Городницкий, *След в океане*, цит. по: Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 98.

²⁶ Б. Окуджава, *Ваше благородие...*, с. 26–27.

²⁷ Там же, с. 277.

Summary

MAGDALENA KOTLAREK BULAT OKUDZHAVA'S WORLD OF POETRY

The author of the article investigates the motives that led Okudzhava to write his songs and poems. The article outlines a multitude of motifs used in Okudzhava's poetry and gives a description and explanation of the major themes of his poems. The author also shows how those particular motifs determine the nature of the bard's writing in general.

Key words: Bulat Okudzhava, poems, songs, poetry, Russian bard.